

УДК 821.161.1.09

М.В. ТОПЧИЕВА

(topchieva_nn@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МИРА РЕБЕНКА
В «ВОЗВРАЩЕННОЙ» ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА
(на материале рассказа В.Ф. Тендрякова
«Хлеб для собаки»)***

В аспекте «эмоциональное и рациональное» исследуется феномен «сердечного» восприятия ребенком особенностей исторического времени, на которое пришлось становление самосознания маленького героя «возвращенного» рассказа В.Ф. Тендрякова «Хлеб для собаки».

Ключевые слова: «возвращенная» литература, отечественная история, автор, образ ребенка, эмоциональный мир героя.

«Возвращенная» литература XX в. открывает современным читателям ранее неизвестные страницы истории нашей страны в советский период общественного развития, о которых до недавних пор говорить было не принято. Однако в народном сознании память о них жива и сегодня никого не может оставить равнодушным. Ежегодно 30 октября в России отмечается День памяти жертв политических репрессий. Осенью 2017 г. в Москве Президент России В.В. Путин принял участие в открытии мемориала «Стена скорби». Слово «помни» вымощено на нем на двадцати двух языках, оно, по словам главы государства, «*взывает к нашей совести, чувствам, к осмыслению периода репрессии, состраданию их жертв*» [4]. «Возвращенная» проза В.Ф. Тендрякова хранит память о том трагическом периоде, который известен как время «немедленной» коллективизация конца 1920 – начала 1930-х гг.

Воспоминания о событиях тех лет – в основе недавно «вернувшегося» к нашим соотечественникам рассказе русского прозаика и драматурга В.Ф. Тендрякова «Хлеб для собаки» (написан в 1970-ом, опубликован в 1988-ом году). События лета 1933 г. представлены в нем с двух точек зрения: глазами ребенка (именно «повествовательная форма от первого лица позволяет проследить становление личности» [10, с. 18]) – десятилетнего Володи Тенкова, по-детски эмоционально воспринимающего окружающий мир), и с позиции взрослого автора-повествователя, вспоминающего о тех годах спустя тридцать шесть лет.

Близость героя автору сразу обращает на себя внимание: писатель дал своему Володе собственное имя, а от фамилии Тендряков сохранил первые и последние буквы – Тенков. Под таким именем выступает его автобиографический герой и в таких произведениях, как «Свидание с Нефертити» (1964), «Донна Анна» (1969–1971), «Пара гнедых» (1969–1971), «На блаженном острове коммунизма» (1974). Публикация в 1986 г. «задержанного» рассказа «День, вытеснивший жизнь», знакомит читателей с судьбой юного сержанта Тенкова, «окончившего школу за полтора часа до начала войны». Это тоже «автобиографический образ: В. Тендряков ушел на фронт семнадцатилетним добровольцем сразу после окончания десятого класса», на себе пережил «ошеломляющие впечатления от боев во время трагического отступления наших войск к Сталинграду летом 1942 года» [10, с. 18], которые способствовали «рождению солдата», защитника Отечества.

А возраст главного героя в рассказе «Хлеб для собаки» психологами знаменуется как «переходный от детства к взрослости» [12, с. 242], когда «содержание чужой душевной жизни воспринимается только с внешней стороны» [5, с. 119], еще совсем по-детски. Поэтому повествователь-ребенок, «окаменев от страха, брезгливости, изнемогая от упрямой панической жалости», наблюдает мучения ссыльных крестьян-переселенцев, названных «кулаками», тайком следит «за короедами, за вспышка-

* Работа выполнена под руководством Переваловой Светланы Валентиновны, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики её преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ми “бунтарей”, кончающимися хрипом, пеной, сползанием по стволу вниз» [11, с. 453]. Ребенок интуитивно чувствует воцарившуюся в обществе несправедливость. Став взрослым, он узнает о том, что в те годы раскулачивали не только зажиточных представителей крестьянства: в ходе коллективизации правительственная «инструкция выполнялась в десятикратном размере – за счет ареста середняков и бедняков» [Там же, с. 451]). А еще – будет «долгое время удивляться и гадать: “почему я, в общем-то впечатлительный, уязвимый мальчишка, не заболел, не сошел с ума сразу же после того, как впервые увидел куркуля, с пеной и хрипом умирающего у меня на глазах”» [Там же]. Позднее найдется и ответ: десятилетний мальчик жил «сердцем», не «разумом»: «Скорей всего я тогда вовсе не думал, а остро чувствовал, как животное, интуитивно угадывающее будущие осложнения» [Там же, с. 460].

По замечанию исследователя А.М. Буланова, в русской литературе, как правило, «феномен переживания героем чужой боли, чужого страдания как собственных прямо проецируется на христианскую антропологию, на евангельский образ Христа, и это становится доминирующим в характере героя – так что личного счастья для него уже и не может существовать» [3, с. 286]. Так и герой Тендрякова, обладая сердцем, способным к состраданию, не может больше быть удовлетворенным своей «сытостью» в кругу благополучной семьи. Наблюдая ужас мучений нуждающихся жителей поселка, прибывших и брошенных у вокзала раскулаченных крестьян и их детей, мальчик решает, что ему жизненно необходимо делиться своим хлебом с теми, кто находится между жизнью и смертью.

Но главной проблемой для десятилетнего ребенка оказывается выбор «самого голодного, даже если он враг», существа, которого он мог бы взять себе на «попечение», выкраивая для того хоть немного еды из своего, тоже небогатого, рациона. Решение найдено: это безмолвное, измученное голодом существо – собака, о которой говорит и название рассказа. «У нее были *пустынно-тусклые*, какие-то *непромыто желтые* глаза и ненормально взлохмаченная на боках, на спине, серыми клоками шерсть» [11, с. 468]. Описание несчастного животного дано глазами мальчика, переполненного состраданием ко всем без исключения. Ему жалко не только собаку, у которой он «ни разу не видел в ее желтых, пустых, неглубоких глазах какого-либо выражения – даже собачьего страха, не говоря уже о собачьей умильности и дружеской расположенности» [Там же, с. 469], но и ссыльных в березняке, чья жизнь оказалась хуже собачьей.

Десятилетнего свидетеля трагедии народа, даже спустя тридцать шесть лет, не покидает «нравственное чутье», традиционное для характеристики ментальности русского человека, – чувство совести за свою «сытость». «Не облезшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою *совесть*» [Там же] – заключает герой. В этом смысле Володе Тенкову противопоставляется начальник станции, который так же болезненно переносит страдания ссыльных куркулей и «шкилетников» в поселке. «У него было оплывшее, свинцовое лицо, он глядел себе под ноги и *молчал...* не отвечал, *проходил мимо, не подымал головы*» [Там же, с. 458]. «Красная шапочка» (так называли начальника станции) не смог стерпеть окружающего его ужаса и был вынужден застрелиться. Десятилетний мальчик убежден в том, что самоубийство этого персонажа в отсутствии своего рода сообразительности: «Он не догадался найти для себя несчастную собачонку, чтоб кормить каждый день, отрывая хлеб от себя» [Там же, с. 472]. Для ребенка хлеб для собаки стал спасением от жестокости обстоятельств.

Становление самосознания подростков, поиск ими гармонии с окружающим миром всегда неразрывно связаны с «особенностями исторического времени, в котором проходит их жизнь» [9, с. 359]. Поэтому отдельного внимания заслуживает рассмотрение пространственно-временных характеристик рассказа, в котором действует мальчик Тенков: это не «детское» время, а один из трагических периодов жизни всей страны. События лета голодного 1933 г. происходят в «северных местах» (можно предположить, что речь идет о Вологодских краях, откуда Тендряков сам родом), куда ссылались «мужики из-под Тулы, Воронежа, Курска, Орла, со всей Украины» [11, с. 452]. Особое значение приобретает «сквозной березовый скверик», расположившийся «у прокопченного, крашенного казенной охрой вокзального здания» [Там же]. Во все времена вокзал служил местом встреч и расставаний, сулящих какие-либо перемены в жизни. Береза же испокон веку воспринималась как символ и надежда России,

а в анализируемом рассказе березняк стал синонимом понятия «лагерь». В то же время образ хрупкого дерева хоть как-то поддерживает «куркулей»: «Они не сдавались. Что ж... попали в березняк» [11, с. 455]. В славянской мифологии береза воспринимается как дар богов, призванный оберегать человека [8]. Однако в восприятии маленького героя В. Тендрякова символ мирового дерева становится устрашающим образом России 1930-х г., а березовая роща – обителью приговоренных.

В рассказе «Хлеб для собаки» возникает и другая, далекая от березового сквера со ссыльными «шкилетниками», часть деревни, «где шла нормальная жизнь» [Там же, с. 456]. Но эта «нормальность» мнимая, поскольку, как понимает даже ребенок, нельзя быть счастливым, видя страдания других людей. Ложное впечатление нормального хода событий еще больше усиливает звучание мажорной песни: *«Не спи, вставай, кудрявая! / В цехах звеня, / страна встает со славою / на встречу дня...»* [Там же, с. 456]. Автором стихов является Б.П. Корнилов, поэт, в молодости «всегда с гордостью вспоминавший о своих крестьянских корнях» [6, с. 364] и погибший в 1938 г., в разгар массовых репрессий. Его песня звучала по всей стране и после гибели автора слов. Официально ее определяли как «народную» вплоть до посмертной реабилитации поэта. По-видимому, в оттепельные годы, когда шла работа над рассказом, В.Ф. Тендряков намеренно включил именно это музыкальное произведение в свой текст: оно тоже создавало представление о «законности» 1930-х г., иллюзорность которой в полной мере становится очевидной только сейчас. Следует обратить внимание на то, что создатель мажорных строк в 1935 г. приобрел такую убийственную характеристику: «Лик Корнилова – лик кулацкого последыша, ненавидящего нашу социалистическую действительность лютой ненавистью» [2, с. 507]. Лишь в 1957 году, с приходом хрущевской «оттепели», поэт был посмертно реабилитирован. Его творчество так же, как и рассказ Тендрякова, относится к «возвращенной» русской литературе, не утратившей своей актуальности и в начале нового тысячелетия.

Тендряков ставил цель не только рассказать о событиях 1933 г., свидетелем которых он был, «он ведет курс жесткой психологии, на примере жизни своего героя помогая читателю понять в себе самом все “за” и “против” и сделать свой выбор, независимо от того, течение и коллизии какого времени он переживает» [7, с. 112]. В рассказе В. Тендрякова «Хлеб для собаки» лето 1933 г. воспринимается «сердцем» десятилетнего мальчика, для которого песня на слова Б. Корнилова была отдушиной: дети, невольно наблюдавшие жизнь «шкилетников», «долго выдержать сквера ... не могли, отрывались от него, глубоко дыша, словно проветривая все закоулки своей отравленной души» [11, с. 456]. С помощью этой песни происходит «озвучивание» пространства в рассказе: стихи Б. Корнилова обретают значение приметы времени и через много лет в сознании взрослого автора-повествователя выступают как неотъемлемый компонент воспоминаний, потому что «он был окрашен чувством» [5, с. 124]. Володя Тенков ассоциативно связывает «Песню о встречном» с телегой, «которую гнал конюх Абрам к привокзальному скверику». А вот слова «Гремела телега – знамение времени! Телега, спешившая собрать трупы врагов революционного отечества» [11, с. 468] принадлежат умудренному опытом автору, напоминающему читателям не только о времени собственного детства, но и о жизни всего общества, из которой насильственно «вычеркивались» судьбы тысяч ни в чем не повинных людей.

Память подростка неразрывно связана и с переживаниями взрослого автора-повествователя, которому история страны открывается не с помощью бодрого звучания массовых песен 1930-х г., а с помощью документальных свидетельств: «на одной лишь Украине умерло тогда от голода шесть миллионов человек» [Там же, с. 474]. Документальная справка, завершающая рассказ, подтверждает невыдуманность и обоснованность эмоционального восприятия ребенком тяжелого для советского народа периода. Она содержит математически точные исторические данные о влиянии политики немедленной коллективизации на материальное состояние граждан. Что касается моральных «издержек», то их невозможно «подсчитать». Володя Тенков поведал лишь об одном эпизоде 1930-х годов, но и он заставляет сегодняшних читателей «болеть» страданиями невинных жертв произвола и помнить о них.

Литература

1. Агеносов В.В. Тендряков В.Ф. // Русские писатели 20 века: биографический словарь / сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 280–281.
2. Басова Л.Г., Корнилова Т.М. «Я буду жить до старости, до славы...». Борис Корнилов: [избранные стихотворения и поэмы, материалы из архива Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), материалы из личного архива дочери поэта, материалы следственного дела Б. Корнилова № П-19929 из архива ФСБ / сост., авт. предисл. Н.Е. Соколовская; коммент. Н.Л. Елисеева, Н.А. Прозоровой, И.Б. Басовой]. СПб.: Азбука, 2012.
3. Буланов А.М. Святоотеческая традиция понимания «сердца» в творчестве Ф.М. Достоевского // Христианство и русская литература: сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 270–306.
4. В Москве открыли памятник жертвам политических репрессий // Русская вера 1 нояб. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://ruvera.ru/news/stena_skorbi (дата обращения 10.11.2017).
5. Выготский Л.С. Педология подростка. Развитие высших психических функций в переходном возрасте // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 111–199.
6. Карпов А.С. Корнилов Б.П. Русские писатели 20 века: биографический словарь / сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 364–365.
7. Маранцман В.Г. Русская литература последних десятилетий: Конспекты уроков для учителя. 11 класс. М.: Просвещение, 2007.
8. Мифологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://mythology.info/planta/birch.html> (дата обращения 20.11.2016).
9. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник. М.: Изд-во Юрайт МГППУ, 2011.
10. Перевалова С.В. Великая Отечественная война в произведениях современной «лейтенантской прозы» // Литература в школе. 2014. № 6. С. 18–21.
11. Тендряков В.Ф. Хлеб для собаки // Люди или нелюди: повести и рассказы. М.: Современник, 1990. С. 452–474.
12. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005.

MARINA TOPCHIOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FEATURES OF THE EMOTIONAL WORLD OF THE CHILD IN THE «RETURNED» LITERATURE OF THE XX CENTURY (on the material of the tale V.F. Tendryakov «Bread for the dog»)

In the «emotional and rational» aspect, the phenomenon of the child's «cardiac» perception of the peculiarities of the historical time, on which the small hero of the «returned» story of VF Tendryakov «Bread for the Dog» had to become self-conscious.

Key words: «returned» literature, domestic history, author, image of the child, emotional world of the hero.